

А. Будилович

**Мефодиевский юбилейный
сборник**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А. Будилович**
Мефодиевский юбилейный сборник / А. Будилович – М.: Книга по Требованияю, 2022. – 402 с.

ISBN 978-5-4241-6961-8

Мефодиевский юбилейный сборник, изданный императорским Варшавским университетом.

ISBN 978-5-4241-6961-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованияю», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Предлагаемый Сборникъ, изданный Императорскимъ Варшавскимъ Университетомъ въ память тысячелѣтія кончины славянскаго первоучителя Меодія, вызванъ тѣми же побужденіями и проникнутъ тѣми же духомъ, что московскій „Кирилло-Меодіевскій Сборникъ“ 1863 года.

Но такъ какъ мысль о варшавскомъ Сборникѣ возникла очень поздно и печатаніе его рѣшено лишь въ началѣ февраля текущаго года, т. е. за два мѣсяца до юбилейнаго дня 6 апрѣля, то на статьяхъ его лежитъ печать срочной и спѣшной работы, чего нельзя конечно сказать о Сборникѣ московскомъ.

Въ содержаніи предлагаемыхъ статей читатель можетъ встрѣтить иной разъ повторенія, разногласія и даже противорѣчіе во взглядахъ. Для устраненія этихъ — довольно обычныхъ впрочемъ въ коллективныхъ изданіяхъ — недостатковъ необходимы были бы болѣе подробныя объясненія между авторами отдѣльныхъ статей, чѣмъ то дозволяло время и условія одновременнаго ихъ составленія и печатанія.

По той же причинѣ и непрерывная пагинація Сборника замѣнена отдѣльною для каждой статьи.

Сверхъ того научныя силы Императорскаго Варшавскаго Университета, а равно книжныя и рукописныя пособія его по славяновѣдѣнію, конечно, не могутъ равняться съ тѣми, которыми располагалъ издатель и сотрудники московскаго Сборника,

Вотъ почему издаваемый нынѣ Сборникъ, не претендуя на ученую славу своего московскаго собрата, представляетъ лишь очень скромный вкладъ въ обширную литературу о дѣятельности славянскихъ Первоучителей и судьбѣ завѣщанныхъ ими идей.

Пусть онъ служитъ свидѣтельствомъ, что священное знамя Солунцевъ, водруженное ими тысячу лѣтъ тому въ сосѣдней Моравіи, развѣвается нынѣ и надъ привислинской долиной, и что завѣты великаго Меодія встрѣчаютъ уже тутъ болѣе вниманія, чѣмъ у того „поганьска кѣмази, сильна вельми, сѣдаци въ Вислѣхъ“, которому онъ сказалъ однажды въ пророческомъ наитіи *): добро ти са бгы крѣстити, сыноу, колижекъ своѣкъ на своѣи земли, да не павнемъ иждьми крѣщенъ бждеши на штоуждьми земли и поманеши мѧ.—**Юже и бгыть!**

---

*) Паннонское житіе Меодія гл. II.

2 апр. 1885 г.

А. Будилевичъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
1. Лавровскаго Н. А. <i>Кирилл и Меодій и начало христіанства въ Россіи</i>	1— 20
2. Будиловича А. С. <i>Нѣсколько мыслей о греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности свв. Кирилла и Меодія.</i>	1—117
I. Солунь 1—5 стр. II. Цареградъ и Олимпъ 5—19. III. Миссія сарацынская 19—24. IV. Миссія хазарская 24—33. V. Солунцы и патріархъ Фотій 33—47. VI. Сложеніе письменъ и переводъ книгъ 47—77. VII. Велико-моравская миссія 78—91. VIII. Поѣздка въ Римъ 91—102. IX. Паннонско-моравская архіепископія 103—117.	
3. Перфольфа О. О. <i>Словѣнскій языкъ и его судьба у народовъ славянскихъ.</i>	1—126
I. Словѣне подунайскіе. Словѣнскій языкъ и словѣнское письмо 1—5. II. Словѣнскій языкъ въ богослуженіи у Чеховъ и Поляковъ, у Словенцевъ и Хорватовъ 5—13. III. Словѣнское богослуженіе и Римскіе папы 14—20. IV. Оловѣнскій языкъ у Хорватовъ, Болгарь, Сербовъ, Русскихъ 21—26. V. Словѣнскіе изводы: чешскій, хорватскій, сербскій, болгарскій, русскій. Оловѣнско - хорватскій изводъ 26—40. VI. Словѣнскій языкъ въ Чехіи и въ Польшѣ, въ словѣнскихъ монастыряхъ пражскомъ и краковскомъ 40—49. VII. Словѣнскіе изводы: сербскій, болгарскій, русскій 49—69. VIII. Распространеніе словѣнско-русскаго языка къ Болгарамъ, Сербамъ и Хорватамъ 69—79. IX. Сло-	

вѣнскій языкъ у западныхъ Славянъ 79—89. X. Научная обработка словѣнскаго языка 89—105. XI. Переводы съ словѣнскаго языка на русскій и хорватскій 105—112. XII. Чествованіе свв. Кирилла и Методія у Славянъ 112—126.

4. Нулановскаго П. А. *Очеркъ исторіи попытокъ рѣшенія вопроса объ единомъ литературномъ языкѣ у Славянъ* . . . 1— 56
  5. Грота Н. Я. *Взглядъ на подвигъ Славянскихъ Первоучителей съ точки зрѣнія греческаго иль происхожденія* . . . 1— 22
  6. Зигоя О. О. *Общественное значеніе дѣятельности свв. Кирилла и Методія* . . . . . 1— 49
-

КИРИЛЛЪ И МЕТОДИЙ

И НАЧАЛО ХРИСТИАНСТВА ВЪ РОССІИ.

Съ введеніемъ христіанства, въ жизни каждаго народа совершается великій переворотъ. Народная жизнь, во всѣхъ ея отправленіяхъ, вступаетъ въ новые пути, направляющіе ее къ новымъ цѣлямъ. Христіанство открываетъ предъ грубой языческой средой такой необъятный горизонтъ, вноситъ столько свѣта въ этотъ горизонтъ, что взглядъ язычника, привыкшаго къ своимъ ограниченнымъ представленіямъ, къ мраку своей среды, долго оказывается неспособнымъ выносить этотъ невѣдомый ему свѣтъ, какъ не можетъ выносить зрѣніе чловѣка солнечнаго блеска. Почти двѣ тысячи лѣтъ пережили великіе евангельскіе идеалы—и кто можетъ сказать, что они осуществлены имъ въ жизни. Проходятъ вѣка, въ которые народъ постепенно осваивается съ новымъ ученіемъ, при чемъ долго довольствуется усвоеніемъ только внѣшней его стороны, между тѣмъ какъ старыя вѣрованія, дорогія народу, долго сохраняются неприкосновенно, пока наконецъ, послѣ упорной и продолжительной борьбы, не вытѣсняются новыми, или пока тѣ и другія не сливаются въ новыя своеобразныя религиозныя представленія. Прошло девять сотъ лѣтъ послѣ утвержденія у насъ христіанства—и мы не можемъ сказать, что нашъ народъ вполне освободился отъ своихъ старыхъ языческихъ вѣрованій. Иное дѣло—отдѣльныя лица тогоже народа, въ началѣ всегда немногія, или поставленныя въ особыя благоприятныя условія, или богато одаренныя: они скорѣе оказываются готовыми и способными къ принятію, усвоенію и распространенію новыхъ началъ

въ своей средѣ. Такъ было вездѣ съ введеніемъ христіанства, такъ было и у насъ.

Брещеніе Руси, по волѣ равноапостольнаго князя Владимира, совершилось въ самомъ концѣ X вѣка, и съ этого времени обыкновенно полагается начало нашему христіанскому просвѣщенію, хотя сохранились несомнѣнные историческія свидѣтельства, доказывающія распространеніе христіанства между русскими славянами, и въ весьма значительной степени, задолго до Владимира. Всенародный актъ брещенія Руси заслонилъ собою долгій предшествовавшій процессъ медленнаго и постепеннаго распространенія христіанства.

Въ представленіяхъ первоначальнаго лѣтописца, который, какъ и его современники, ведетъ начало нашего христіанства отъ Владимира, быстрота распространенія христіанскаго просвѣщенія опредѣляется тремя поколѣніями—Владимира, насадившаго христіанство, Ярослава, засѣявшаго русскую землю книжными словесами, и современнаго ему, которое оказывается не только наслаждающимся книжною мудростію, но и способнымъ къ собственной книжной производительности. „Якоже бо се нѣкто землю разореть, другій же насѣть, ни же пожинають и ядятъ пищу бескудну: тако и съ. отецъ бо сего Володимерь взора и умягчи, рекше крещеніемъ просвѣтивъ; съ. же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людіи, а мы пожинаемъ, ученіе пріемлюще книжное“. А слѣдующею за тѣмъ восторженною похвалою книжному ученію онъ доказываетъ, какъ глубоко успѣла укорениться любовь къ нему въ лучшихъ русскихъ людяхъ, и объясняетъ необъяснимое съ перваго взгляда явленіе—быстрый расцвѣтъ нашей литературной производительности: „велика бываетъ польза отъ ученья книжнаго... мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье отъ словесъ книжныхъ, се бо суть рѣкы, напаяющи вселеную, се суть исходища мудрости“ и т. д. Кто успѣлъ воспитать въ себѣ такую любовь къ книжному ученію и возвыситься до такой восторженной его оцѣнки, для того оно уже стало непреодолимою потребностію и должно было неизбежно вести къ собственнымъ опытамъ насажденія христіанскаго просвѣщенія.

Что это были за книги, эти исходища мудрости, которыя такъ рано успѣли привлечь къ себѣ лучшихъ людей нашей ново-крещенной Руси?

Это были прежде всего плоды апостольской дѣятельности незабвенныхъ славянскихъ первоучителей, Кирилла и Меодія, память которыхъ мы собрались здѣсь праздновать, а за тѣмъ его учениковъ и ихъ преемниковъ. Отъ нихъ ведетъ свое начало не только наше первоначальное книжное ученіе, наши собственные опыты въ томъ же книжномъ ученіи, наша образованность, ея направленіе и характеръ, наше положеніе въ семьѣ христіанскихъ народовъ, какъ народа культурнаго и историческаго, наше историческое призваніе, но они же, въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія, служили неразрывною связью, источникомъ единомыслія и братственнаго единенія между всѣми православными славянами. Сложивъ нашу азбуку, устроивъ нашъ величественный языкъ, совершивъ великое дѣло перевода на этотъ языкъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, положивъ начало переводу книгъ учительныхъ отцовъ церкви, установивъ богослуженіе на этомъ языкѣ, всѣмъ понятное, всѣмъ доступное, всѣмъ родное, они образовали тотъ союзъ православныхъ славянъ, который пережилъ тысячелѣтіе, перенесъ тяжкія историческія невзгоды и который, Богъ дастъ, переживетъ много грядущихъ вѣковъ, если останется неизмѣнно вѣрнымъ принятому имъ отъ святыхъ братьевъ наслѣдію.

Слѣдовавшіе за тѣмъ въ Болгаріи, въ эпоху царя Симеона, многочисленные труды учениковъ Кирилла и Меодія и ихъ преемниковъ скоро переходили къ намъ и умножали наше книжное богатство. То были сочиненія содержанія *догматическаго*, какъ начертаніе православной вѣры Іоанна Дамаскина, заключающее въ себѣ полное и систематическое православное вѣроученіе, *истолковательнаго*, какъ Шестодневъ Іоанна Экзарха Болгарскаго, толкованія на ветхозавѣтныя и новозавѣтныя книги, *правоучительнаго*, какъ отвѣты Анастасія Синаита, Лѣствица и особенно обширное собраніе поученій отцевъ церкви—Григорія Богослова, Іоанна Злотоуста, Ефрема Сирина и др. и наконецъ *историческаго*, какъ житія святыхъ, палей, хроно-

графы. Если не всё отдѣлы въ одинаковой степени, то преимущественно два послѣдніе, какъ наиболѣе доступные, были предметомъ постоянного чтенія, изученія и подражанія, что доказывается собственными опытами, въ отдѣльныхъ явленіяхъ, едва ли не превосходившими современные подлинники.

Такой обширный образовательный матеріалъ, явившійся къ намъ въ слѣдъ за введеніемъ христіанства въ готовыхъ переводахъ, благодаря вдохновенному почину нашихъ первоучителей, долженъ былъ производить могущественное дѣйствіе на лучшихъ русскихъ людей, сильныхъ природнымъ умомъ и волей и притомъ исполненныхъ живой христіанской вѣрой и глубокимъ христіанскимъ чувствомъ. Этимъ дѣйствіемъ должно прежде всего объяснять быстроту развитія у насъ христіанскаго просвѣщенія, выразившагося спустя съ небольшимъ полъ-вѣка въ блестящемъ словѣ „о законѣ и благодати“ перваго русскаго митрополита Иларіона. Заглавія приведенныхъ трудовъ, конечно, ничего не доказываютъ и необходимо основательное знакомство съ ихъ содержаніемъ, чтобы по достоинству оцѣнить всю силу ихъ образовательнаго вліянія. Должно замѣтить, что они заключаютъ въ себѣ все лучшее, что представляла тогда современная византійская христіанская литература. Какое воодушевленіе, какую силу христіанскаго чувства должно было возбуждать въ новыхъ людяхъ чтеніе поученій великихъ проповѣдниковъ золотаго періода византійской образованности, до сихъ поръ, спустя почти полторы тысячи лѣтъ, остающихся образцами краснорѣчія! Нельзя также не замѣтить, что современная эпоха крещенія Руси и послѣдующая византійская литература, находившаяся въ сильномъ упадкѣ и сама пробавлявшаяся произведеніями лучшей поры, не могла имѣть значительнаго вліянія на новокрещенныхъ людей: ея утонченная богословская діалектика, искусственные философскія умозрѣнія и декламация не могли привлекать ихъ, да и не были доступны ихъ простому здравому смыслу. Усвоивая себѣ готовые литературныя формы, они влагали въ нихъ свое живое содержаніе, какъ послѣ мы начали влагать свое содержаніе въ заимствованныя западно-европейскія литературныя формы.

И однако эта быстрота нашего книжнаго развитія возбуждала и до сихъ поръ продолжаетъ возбуждать недоумѣнія. Не говоря о нашемъ старомъ историческомъ и литературномъ скептицизмѣ, недоумѣнія предъявляются и при настоящемъ состояніи науки, вооруженной весьма сильными средствами для открытія истины. Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ, отнесшійся весьма строго ко многимъ, казалось, довольно прочно установленнымъ у насъ историческимъ представленіямъ, допущившій для всей домонгольской Руси, и то съ оговорками, одну грамотность, останавливается съ большимъ недоумѣніемъ предъ нѣкоторыми литературными явленіями этого времени, не смотря на признаніе христіанства у насъ задолго до Владиміра. Явленія эти, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ времени, объясняются какъ исключенія: слово Иларіона, „самое блестящее ораторское произведеніе, самая знаменитая и безукоризненная академическая рѣчь, есть исключительное и загадочное явленіе; Феодосій былъ человѣкомъ исключительнымъ и, какъ всѣ исключительные люди, болѣе или менѣе своеобразнымъ; Кириллъ Туровскій, надѣленный талантомъ ораторскимъ, принадлежалъ также къ исключительнымъ людямъ и „долженъ быть разсматриваемъ, судимъ и цѣнимъ не по сравненію съ своими русскими современниками, съ которыми онъ не имѣлъ ничего общаго, а какъ настоящій, получившій настоящее ораторское образованіе, проповѣдникъ, какъ исключительный и случайный представитель въ нашей средѣ настоящаго, греческаго ораторства“; Слово о полку Игоревѣ, которое недавно другой авторъ называлъ сфинксомъ, ожидающимъ своего Эдипа, должно огазаться такимъ же необъяснимымъ явленіемъ. Въ виду всѣхъ этихъ исключеній авторъ долженъ былъ сознаться, что „въ случаѣ если не допустимъ кратковременный эпизодъ существованія у насъ просвѣщенія, мы останемся въ совершенномъ и рѣшительномъ недоумѣніи“, и, для разрѣшенія послѣдняго, допускаетъ попытки Владиміра и Ярослава ввести у насъ просвѣщеніе, но только для боярскихъ и, собственныхъ дѣтей. Тѣмъ все и окончилось, послѣ нихъ о просвѣщеніи нѣтъ и помину, начинается царство одной грамотности, и то съ сомнитель-

нымъ разумѣніемъ читаемаго (Ист. русск. церкви. Голубинскаго I, 580 и слѣд.).

Должно полагать, что тамъ, гдѣ оказывается такъ много исключеній и загадочныхъ явленій, дѣло не обстоитъ вполне благополучно, какъ въ старыхъ грамматикахъ, испещренныхъ исключеніями. Какъ послѣднія исчезаютъ безслѣдно при первомъ обращеніи къ нимъ строго-научнаго метода, такъ и этимъ многочисленнымъ исключеніямъ едва ли не суждена та же участь. Загадочныя явленія въ исторіи являются или отъ недостатка матеріала, или отъ неправильнаго обращенія съ нимъ, отъ предвзятой теоріи; но въ жизни народа все совершается по непреложнымъ законамъ, естественно и органически. Задача историка—изучить историческій матеріалъ и, на основаніи его, уразумѣть и представить, а при недостаткѣ матеріала—прозрѣть развитымъ на историческомъ анализѣ смысломъ эту естественно и законно движущуюся жизнь народа.

Вопросъ слѣдовательно въ томъ: возможна ли, естественно ли та быстрота нашего умственнаго и нравственнаго развитія, какую необходимо допустить въ краткій періодъ времени отъ крещенія Руси до первыхъ опытовъ нашей самостоятельной литературной производительности для правильной оцѣнки послѣднихъ, при упомянутыхъ образовательныхъ средствахъ; другими словами: возможно ли, при такихъ условіяхъ, органическое происхожденіе такихъ памятниковъ, какъ Слово Иларіона, проповѣди Кирилла, слово о полку Игоревѣ? Дѣло не въ числѣ памятниковъ: одинъ такой памятникъ достаточно освѣщаетъ среду, изъ которой онъ исходитъ.

Столь краткаго періода времени, какой-нибудь полсотни лѣтъ дѣйствительно не достаточно для объясненія естественности происхожденія Слова Иларіона, какъ бы мы ни представляли себѣ нашихъ новыхъ христіанъ алчущими и жаждущими христіанскаго просвѣщенія. Слово объяснимо единственно при предположеніи для его автора особой, исключительной, для него лично устроенной образовательной среды, какъ скоро мы будемъ представлять себѣ русскихъ славянъ до Владиміра чуть не въ патріархальномъ состояніи, жившими чуть не звѣринскимъ